

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: В шестнадцатой главе намечается новое направление: соизмерение образования субъектов политики и их дальнейшего развития и становления единиц собственно языка истории.

Ключевые слова: государство, города и империи, последовательность развития, образование языка истории.

Глава шестнадцатая

Единая история империи. Что предстаёт в общем развёртывании событий. И что должно быть осмыслено и показано отдельно. Города империи расширяются. Исходя из этого всё приходит к империи как к единому целому. События в Греции, как выясняется, в итоге заслуживают меньшего почтения, чем представлялось ранее. Каково должно быть их место во всеобщей истории? Чем обусловлено данное письменное изложение.

Затронем всё происходящее в целом: иначе говоря, в целом история определяется властвованием. Вот что пишет Дионисий Галикарнасский в кн. 7 о росте истории из самой себя: «При этом говорится не только о единстве областей, но и о единстве населяющих их граждан или, по крайней мере, некоторых из них. Тот, кто взял на себя труд описания, должен выстраивать историю властвований из разных частей, её составляющих. Когда излагается история Греции, то повествуется не только о войнах в целом — но и о Марафоне или Саламине и др., о которых все издавна наслышаны.

Но предпосылкой создания единой картины властвований является выявление отдельности каждого из этих сцепленных кусков, или общих пространств, которые между ними возникают.

Особенности же, которые здесь представляются, — бездействие властителя, развитие с его закреплением, спад и окончание. Или, как говорят греки, — исходный уровень, возрастание, расцвет и далее сжатие и исчезновение.

Но прежде чем возникали империи — возникали города, и редко они возникали одновременно; империи могли провозглашать решения от их имени, если народ городов препоручил им свои законные полномочия, включая объявление войны.

Первоначальный импульс к созданию империй всё же давали города; надо рассмотреть в каждом отдельном случае, как создавались (империи), какие были конкретные причины их создания. Наиболее интересно здесь описать, как образовывались устои народа-

создателя и как зародилось равенство подданных как таковое. Из этого происходят основные варианты становления империй, включение отдельных групп и народов в их всеобщность.

Вариативность империй возможна, если исходить из первенства городов и способа их становления.

В действительности подразумевается либо приращение, либо сохранение того, что уже есть и ранее было полезно для жизни.

Указывается прирост на месте зарождения — там, где плодородные поля, обилие рыбы в реках; всё, что удобно заимствовать для жизни, если на прежнем месте не повезло. Прежде всего это плоды земли, без которых народ не может обойтись как без средства существования; если же вспомнить об истории благородного Дейнократа¹, или, если говорить о замысле первоначальных сооружений демократов, обещавших освятить гору Афон, чтобы запечатлеть правление Александра, то слева же её окружают стены, они воспроизводят умение предков, которые, сплаваясь по горным потокам, устремлялись к морю. Подобные предложения отвергались Александром, который предусмотрел в законе, что при выведении в колонии граждан они лишались ранее принадлежавшей им земли и её плодов. Именно эти права хотел сохранить Дейнократ², но Александр строго ограничил допустимый род занятий — либо земледелие, либо торговля; и каждый властитель решал, какую культуру сеять и чем можно торговать — подобно тому, как у Александрии Нил впадает в море (см. Витрувий, Предисловие кн. 11).

Сохраняются отдельные дары природы и созданное человеком, сохранённое им в жёстком противостоянии — будь то наводнение или нашествие врагов и т. п.

Со временем и отдельные города обычно накапливали опыт управления. Так сделал Арсак, первый парфянский царь, следуя примеру Дария, которого называли также Дарам, обращаясь к поэтическому слогу. Вот в каких выражениях это передаёт Юстин в кн. 41 «Эпитома сочинения Помпея Трога»: «Призывая, — пишет он, — Селевкидов к активному продвижению в Азии, он предоставлял им возможность ослабить Парфянское царство военным путём, построить укрепления и найти граждан для закладки стен города Дарам на горе Запа. Это место было выбрано из-за своей красоты, на обрывистой круче, где можно было вырыть рвы, опоясывающие укрепление, поэтому там не нужно никаких защитников; рядом раскинулись плодородные поля, можно было насадить рощи и оросить их для приятного времяпрепровождения». Любое новое сооружение представляется как незначительное, если нельзя было возвести ничего лучше.

В то же время многие прежние города были основаны только для того, чтобы покровительствовать и содействовать регионам. Так обычно основывались многие римские колонии.

Известно, что те, кто построил города самостоятельно, иногда изгонялись из них. Так Тевкр³ был изгнан из Саламины на Кипре.

Иногда города были не обустроены и приводили в ужас своими постройками. В Лации Лавиний был построен местными жителями и пришлыми троянцами.

Но именно так и возникали города. В этой связи не надо пренебрегать суждением, данным Макиавелли в «Государстве» Кн. 1, гл. 1: «Впоследствии пришли к заключению, что

¹ *Dinocrates* (IV век до н. э.) — архитектор Александра Македонского.

² Плутарх сообщает следующее: «...Более чем всеми другими мастерами, Александр дорожил Дейнократом», *Плутарх. Александр, LXXII*.

³ Сын Теламона и Гесионы (дочери царя Трои Лаомедонта, сестры Приама), саламинский уроженец. Единородный брат Эанта (Аянта или Аякса Великого).

именно небольших городов взыскует империя; частично их сила была в действиях отдельных граждан, возвращавшихся назад, и готовых предоставлять им свои жизненные блага, и общем стремлении граждан в целом следовать законности, не отвлекаясь на ненужные споры, и, наконец, их храбрость и военные умения».

Так представляется, что на этом поприще человеческие способности и умения достигали своей вершины. С этим может быть сравнена империя, сохраняющая то, что приумножается.

Теперь определим превратности империй. Действительно причины их упадка — в неумеренной роскоши и других пороках, а также из-за мятежей, подчас связанных с внешними силами. Но именно так и возникают империи — многое определяется невесть откуда взявшимися слухами, или чумой, или наводнением, или землетрясением — всем тем, что может повлиять на коллективный разум сознательных граждан.

Иногда можно проследить, как города реализовывали свою деятельность в империях; таковые есть у троянцев и карфагенян, таким является Иерусалим после взятия его Титом. Иногда они развивались в противоположном направлении, как в случае с Помпеей. Иногда скрытые города, оставаясь имперскими, переносились на другое место. Здесь можно упомянуть города Есоло, Гераклеи и Медаука, издавна основанные итальянцами. Когда империи разваливались — по-прежнему пользовались её оросительной системой. Единую историю империй представляет Патриций⁴ в своём диалоге 6 «Об истории». Наиболее ясный свет он проливает на расширение Греческой империи. Ничего примечательного автор не находит во времена Трои, также и во времена Дария и Ксеркса. Марафонское же и Саламинское сражения потенциально что-то дают для развития. Большие разногласия выявились между афинянами и лакедемонянами, сошедшимися в Пелопоннесской войне, где их противостояние было преодолено Филиппом, македонским царём, путём построения империи. Ему наследовал его сын Александр, присоединивший Персию и другие восточные государства к империи. С его кончиной империя распалась. А многочисленные раздоры среди наследников привели к тому, что греческая империя, воссозданная Александром, попала в руки римлянам. Никто не рассказал об этом так кратко, как повествует Зосима⁵ в кн. 1. Тем самым можно проследить задним числом, что Римская империя создавалась как последствие всеобщего передела. Такова конкретная история, помимо указанного всеобщего её подразделения, о котором Полибий пишет как о *долях истории* (Кн. 1 «О долях истории»).

Уместно показать в этой связи, которую из эпох, начиная с основания мира, мы переживаем. При этом не все эпохи охватывают жизненное пространство человека в целом,

⁴ Франциск Патриций (хорват: Franjo Petriš или Frane Petrić, или по-итальянски Francesco Patrizi (25 апреля 1529 - 6 февраля 1597). Франческо Патрици – итальянский философ и ученый хорватского происхождения из Венецианской республики. Перу которого принадлежат четырехтомные «Перипатетические дискуссии», «Новая философия Вселенной», незавершенный диалог «Любовная философия» и др. Задачей «Дискуссий» является преодоление авторитета Аристотеля, которого в первом томе своего труда Патрици стремился развенчать как морального философа, представив его биографию как пример безнравственности. Аристотель под пером Патрици предстает как предатель (он якобы отравил Александра Македонского), неблагодарный человек («Платон мне друг, но истина дороже»), уничтожавший работы своих предшественников. Во втором томе «Дискуссий» Патрици ставит своей целью приведение к согласию идей Аристотеля и Платона с другими античными философами. В третьем томе он озадачен поисками расхождения Аристотеля с последними, а в четвертом критикует принципы, т.е. предпринимает попытку свести и развести независимые античные идеальные миры в едином логическом пространстве. В «Новой философии Вселенной» Патрици отказывается от перипатетической терминологии.

⁵ Зосима - жил в Константинополе во 2-й половине V века, написал «Новую историю» в 6-ти книгах, труд по истории Римской империи.

однако же мир един, и всё, что в нём создано благородного, так или иначе соотносится с империей; рассказывают, что в те эпохи, когда мир объединялся, он включал в себя наиболее значимые народы. Полибий говорит о всеобщей применимости высказанного (кн. 1)⁶, а Дионисий Галикарнасский в кн. 5 («Римские древности») говорит о собственном языке истории — не таком, который ограничивается сжатым описанием частных случаев. Чтобы определить собственно язык истории, а также обобщая всё происходящее там, выплавляется общая история империи, и из всех доступных историй империй возникает всеобщая история. И действительно, особенность обобщения достигается искусством, при условии правильного его применения. При этом необходимо знать, какое количество единиц собственно исторического знания здесь присутствует, которые выделяются в особый язык и располагаются в определённом месте. Очевидно, что этот подсчёт был начат в библиотеке Диодора Сицилийского⁷.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio

Vossii G. J.

Abstract: Direction is outlined: the co-measurement of the formation of political subjects and their further development and formation of units of the actual language of history. This direction may be continued in the following chapters.

Keywords: The state, cities and empires, the sequence of development. The formation of the actual language of history.

Перевод с латинского *Лаврентьева Всеволода Серафимовича*: lavrsv4@gmail.com.

⁶ Возможно, определённые свершения и предметы Полибий мыслит как внутреннюю силу, потенциально заключающую в себе цель и окончательный результат, что он связывает с понятием всеобщности истории.

⁷ Диодор Сицилийский (греч. Διόδωρος Σικελιώτης, лат. *Diodorus Siculus*; около 90–30 гг. до н. э.) — древнегреческий историк и мифограф родом из сицилийской Агирии, посвятил 30 лет созданию своих исторических сборников (*Bibliotheca Historia*).